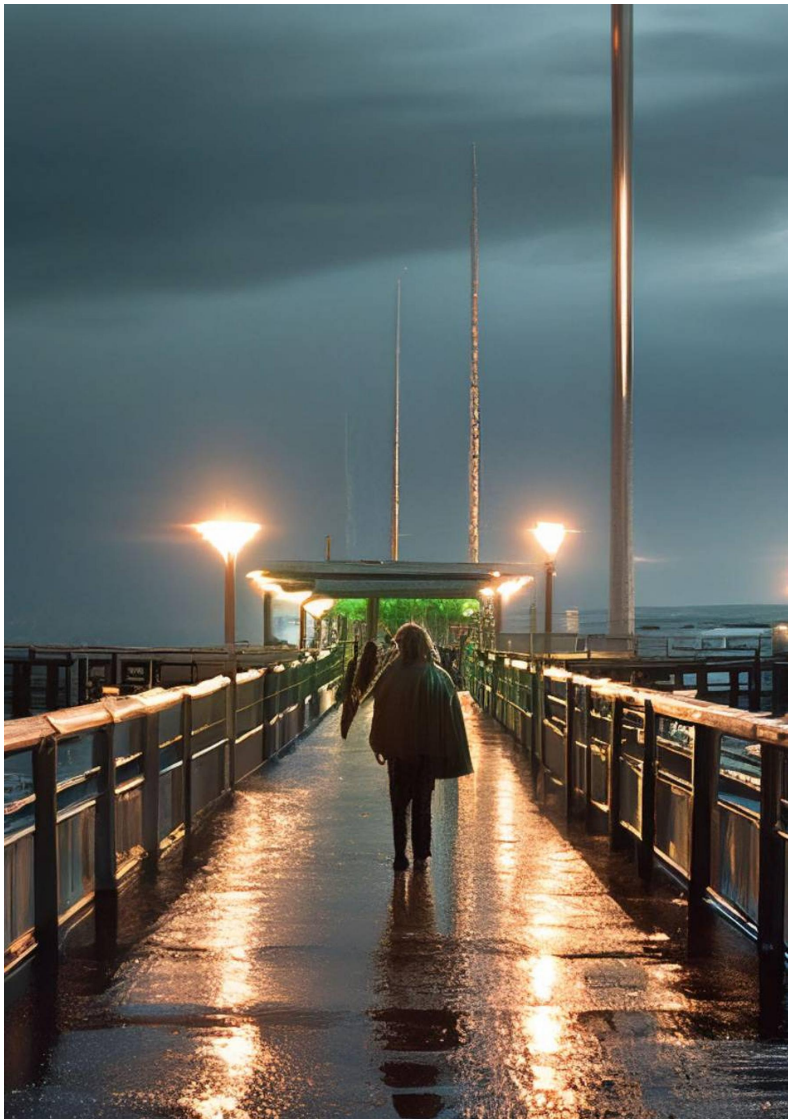

Елена К.

Клуб расследований по вторникам

<https://litres.ru/74461713>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Клуб расследований по вторникам» — это история о том, как прошлое возвращается не в виде тайн, а в голосах людей. В Старой Пристани, у самой Волги, компания равнодушных находит не загадки и механизмы, а память: забытые судьбы, тихие подвиги, письма, которые писали, даже когда надежды почти не осталось. Костик, Нина Петровна, Людмила Сергеевна и другие учатся слушать город — и понимают: настоящая тайна Старой Пристани в её жителях. От загадочной системы, спрятанной под шлюзом, до голоса инженера Дёмина на старой плёнке и истории пропавшего в 1947 году Фёдора Клыкова — каждая глава возвращает голос тому, кого почти забыли. Это не детектив в привычном смысле, а тёплое, глубокое путешествие по памяти маленького города, где главное расследование — не найти улику, а не дать исчезнуть чьему-то имени. Книга о том, что помнить — значит любить, а слушать — значит быть вместе.

Содержание

Все Главы.	4
Глава первая, в которой четверо пенсионеров обнаруживают, что дверь в кабинет директора не заперта, деньги исчезли, а пельмени в «У тёти Зины» — по-прежнему лучшие на Волге.	5
Глава вторая, в которой Людмила Сергеевна разговаривает с Костиком, Анатолий Васильевич находит крошечную улику, а в смете обнаруживается странная строчка.	20
Глава третья, в которой Полунин оправдывается, ключ ведёт к шлюзу, а Старая Пристань впервые за много лет решает, что она — одна команда.	31
Глава четвёртая, в которой документы из шлюза рассказывают больше, чем любой свидетель, Анатолий Васильевич находит имя, которое меняет всё, а Старая Пристань узнаёт правду о собственной истории.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена К.
Клуб расследований
по вторникам

Все Главы.

Глава первая, в которой четверо пенсионеров обнаруживают, что дверь в кабинет директора не заперта, деньги исчезли, а пельмени в «У тёти Зины» — по-прежнему лучшие на Волге.

Дом культуры имени Октября в Старой Пристани был построен в 1953 году, и с тех пор его ни разу капитально не ремонтировали. Это, впрочем, никого не беспокоило — стены стояли крепко, крыша текла только в двух местах (обоих всем известных), а паркет в большом зале скрипел так выразительно, что местная самодеятельность могла бы обходиться без звуковых эффектов.

В будние дни в ДК было тихо. Кружок вязания заседал по понедельникам, секция настольного тенниса — по средам, а по пятницам приходил клуб любителей старого кино, который смотрел фильмы на ноутбуке, потому что проектор сломался ещё в 2019-м, и никто не нашёл на него денег.

Но нынешний вторник, четырнадцатого сентября, выдался особенным. Через неделю должен был открыться ежегод-

ный фестиваль «Волжская уха», и ДК служил штаб-квартирой подготовки: здесь хранились деньги на призы, договоры на аренду палаток, три коробки с бейджами волонтеров и один древний, ещё советский сейф, в котором лежало триста тысяч рублей наличными — сумма по местным меркам астрономическая.

Деньги привёз накануне глава администрации Григорий Семёнович Полунин — лысый, круглый, с манерами человека, который привык, что ему подчиняются, но при этом отчаянно боялся, что в какой-то момент перестанут. Он привёз их в портфеле, пересчитал при свидетелях, уложил в сейф и собственноручно закрыл замок. Ключ от сейфа — единственный, дубликата не существовало — Полунин положил в карман пиджака, пиджак повесил на спинку стула в кабинете директора ДК и уехал в город на своей «Ладе Гранте».

На следующее утро, в десять минут девятого, к крыльцу ДК подъехал малиновый велосипед. С него не без грации спешила Нина Петровна Соколова, семьдесят два года от роду, бывший главбух районной поликлиники, а ныне — председатель совета ветеранов и неофициальный финансовый советник Старой Пристани.

Нина Петровна была невысокой, сухощавой женщиной с короткой стрижкой, очками в тонкой металлической оправе и выражением лица, которое заставляло даже участковых полицейских чувствовать себя нашкодившими школьниками. Она носила практичные брюки, свитер под горло и крос-

совки — единственная уступка возрасту, которую она себе позволила. Всё остальное — спина прямая, шаг чёткий, ум острый — работало как в тридцать.

Нина Петровна приехала рано, потому что намеревалась проверить смету расходов на фестиваль. Она проверяла сметы везде — в поликлинике, в совете ветеранов, в кружке вязания (где закупка пряжи однажды показала расхождение в сорок рублей, и Нина Петровна три дня добивалась объяснений). Бухгалтерский навык, как и езда на велосипеде, забывается с трудом.

Дверь ДК была не заперта. Это было странно — вахтёрша тётя Маша обычно отпирала двери ровно в восемь, а сейчас было без четверти. Нина Петровна толкнула тяжёлую створку, вошла в пахнувший старым деревом и пылью коридор и сразу заметила, что дверь в кабинет директора — приоткрыта.

Она остановилась. Посмотрела на щель. Щель смотрела на неё. Ни одна из них не нравилась другой.

— Тётя Маша? — позвала Нина Петровна в полутёмный коридор.

Тишина. Где-то в глубине здания капал кран.

Нина Петровна вошла в кабинет. Всё выглядело обычно: стол директора, три стула, репродукция «Утро в сосновом лесу» на стене (с заметно пожелтевшим от времени лаком), пиджак Полунина на спинке стула. Пиджак висел так, как его оставили, — будто хозяин на минуту вышел и забыл вер-

нуться.

Сейф стоял в углу за шкафом с папками. Нина Петровна подошла, потянула за ручку — и дверь сейфа, тяжелая, чугунная, с облупившейся краской, открылась без единого звука.

Внутри не было ничего.

Триста тысяч рублей — пачки пятидесятирублевых купюр, перетянутые резинкой, — исчезли. Вместе с ними — старинный ключ от речного причала, который со вторника должен был лежать в витрине музея, но был временно перемещён в сейф «под ответственность», как выразился Полунин.

Нина Петровна закрыла сейф. Потом открыла снова. Потом закрыла. Потом сняла очки, протёрла их краем свитера, надела обратно и посмотрела на сейф в третий раз.

Сейф молчал.

Нина Петровна достала мобильный телефон — старенький, с крупными кнопками — и набрала номер.

Анатолий Васильевич Козлов принял звонок в гараже. Он чинил газонокосилку, хотя газона у него не было: газонокосилку ему отдал сосед, который уезжал к дочери в Москву и не хотел везти её с собой. Анатолий Васильевич принял её как должное и теперь чинил просто из принципа — вещи, даже чужие и ненужные, не должны лежать сломанными. Это было его жизненное кредо, и оно распространялось на всё: на краны, на замки, на радио, на людей.

— Нина Петровна? — сказал он, держа телефон плечом

и отвинчивая болт. — Вы в ДК?

— Анатолий Васильевич, — голос Нины Петровны был ровным, как линейка, — сейф открыт. Денег нет. Ключа от причала тоже нет.

Пауза. Анатолий Васильевич перестал крутить болт.

— Как нет? — спросил он с интонацией человека, которому сообщают, что законы физики отменены.

— Вот так. Пусто. Дверца не взломана. Замок цел.

— Замок цел, а денег нет, — повторил Анатолий Васильевич, и в его голосе появилась та нотка, которая появлялась всегда, когда он сталкивался с технической загадкой: не тревога, а азарт. — Я буду через десять минут.

Он повесил трубку, вытер руки ветошью, сел в «Ниву» — единственную машину в Старой Пристани, которая заводилась в любой мороз, — и поехал.

Людмиле Сергеевне Лебедевой позвонил Анатолий Васильевич, потому что Нина Петровна к тому моменту уже звонила директору ДК, главе администрации и участковому, и телефон у неё разрядился.

Людмила Сергеевна была женщиной, которую в Старой Пристани знали все, а она знала всех и каждого — поимённо, с краткими биографическими справками и одной-двумя характерными цитатами. Семьдесят лет, тридцать из которых она преподавала литературу в школе. Когда она уходила на пенсию, ей устроили проводы, на которых бывшие ученики — уже взрослые, лысые и с детьми — читали стихи

и плакали. Людмила Сергеевна не плакала, но потом, дома, прочитала «Стихи о Петербурге» Мандельштама и немного всплакнула — не от растроганности, а потому что стихи были хороши.

— Анатолий Васильевич, — сказала она в трубку, — вы говорите, дверь не взломана? Значит, либо открыли ключом, либо знали комбинацию. А комбинацию знал кто?

— Полунин. И больше никто. Он сам хвастался: «Дубликата не дам, код знаю только я».

— Хвастался? — Людмила Сергеевна подняла бровь, хотя по телефону этого видно не было. — Люди хвастаются тем, что им дорого. А ему дорого, что он контролирует. Значит, он закрывал сам. А открывал?

— Вот в этом и вопрос, — сказал Анатолий Васильевич.

— Я буду через пятнадцать минут, — ответила Людмила Сергеевна. — У меня допекается пирог с капустой, я его выключу.

Последним прибыл Виктор Иванович Громов — бывший директор ДК, проработавший в этом звании двадцать три года, пока его не отправили на пенсию с формулировкой «по собственному желанию» (он желал не сам, но сопротивляться не стал, потому что к тому моменту ему было всё равно — устал). Виктор Иванович был крупным, громким, добродушным мужчиной с густыми бровями и редкими волосами, которые он зачёсывал поперёк лысины с таким упорством, что даже ветер их не трогал.

Он любил ДК. После пенсии он приходил сюда каждый день, сидел в фойе, пил чай из термоса и разговаривал с теми, кто готов был слушать. Он знал все городские байки, легенды и сплетни — и сам был источником доброй половины из них. Когда ему говорили: «Виктор Иванович, ну это же вы придумали», — он отвечал с достоинством: «Я не придумываю. Я пересказываю то, что было на самом деле. Если что-то приукрасилось за годы — это работа времени, а не моя».

Виктор Иванович вошёл в кабинет директора в четверть десятого, когда Нина Петровна уже успела составить на салфетке список из шести пунктов, Анатолий Васильевич — трижды осмотреть сейф с фонариком и лупой, а Людмила Сергеевна — поговорить с уборщицей тётей Машей, которая уборкой не занималась, а стояла у окна и молчала, что было на неё не похоже.

— Ну, — сказал Виктор Иванович, оглядев всех, — и какие новости?

— Денег нет, — сказала Нина Петровна.

— Ключа нет, — сказал Анатолий Васильевич.

— Тётя Маша молчит, — сказала Людмила Сергеевна.

Виктор Иванович сел на стул, поставил термос на стол и налил себе чай.

— Значит, так, — сказал он. — Начнём с главного. Кто-нибудь звонил в полицию?

— Я звонила, — сказала Нина Петровна. — Сказали: участковый будет после обеда. У него сегодня два развода и

собеседование с подростками.

— Разводы — это семейные или следственные? — спросил Анатолий Васильевич.

— Семейные, — ответила Нина Петровна. — Он и с теми не справляется.

Повисла пауза, в которой каждый из четверых думал о своём.

Нина Петровна думала о смете. Без денег фестиваль не со-
стоится. Не состоится фестиваль — значит, сорвётся един-
ственное событие в году, ради которого Старая Пристань
ещё на что-то надеялась. Туристы не приедут. Палатки не
поставят. Уху не сварят. Городок опять провалится в зим-
нюю спячку, из которой не все просыпаются.

Анатолий Васильевич думал о замке. Он уже трижды
осмотрел его и каждый раз приходил к одному и тому же вы-
воду: замок не вскрывали. Не было ни царапин, ни следов
от ломика, ни следов от дрели. Дверца открыта штатно —
ключом или кодом. Код знал Полунин. Ключ — Полунин.
Но Полунин, по его же словам, оставил ключ в кармане пи-
джака, а пиджак — на стуле. И пиджак на месте. И карман
на месте. А ключа в кармане нет.

Людмила Сергеевна думала о тёте Маше. Тётя Маша —
Мария Афанасьевна Куликова, шестьдесят один год, работа-
ет вахтёршей в ДК четырнадцать лет — молчала. Это было
настолько нехарактерно, что само по себе являлось уликой.
Тётя Маша обычно говорила без умолку: про погоду, про це-

ны, про невестку, про кошку, про соседа, который три года не косит траву у забора. А сегодня она стояла у окна, смотрела на парковку и не говорила ни слова. Когда Людмила Сергеевна спросила: «Маша, ты сегодня рано пришла?» — та ответила: «Ага», — и отвернулась. «Ага», а не «А куда я денусь, Людмила Сергеевна, в моём-то возрасте», как обычно. «Ага» — это было красноречивее любого признания.

Виктор Иванович думал о легенде. О ключе от причала.

— А вы знаете, — сказал он, отпив чая, — что этот ключ — не просто ключ.

— Виктор Иванович, — строго сказала Нина Петровна, — не начинайте.

— Я не начинаю, я напоминаю. Этот ключ — от старого шлюза. Шлюз построен в тысяча девятьсот пятьдесят первом году. Тогда река была глубже, причал — длиннее, а грузы — интереснее.

— Какие грузы? — спросил Анатолий Васильевич, оторвавшись от сейфа.

— Разные, — сказал Виктор Иванович с выражением, которое означало «секретные», но озвучивать это слово он не стал, потому что сорок лет привычки беречь тайны взяли своё. — Говорят, в шлюзе есть боковой карман. Камера. Туда в пятидесятых спускали баржи. А что было на баржах — никто не знает. Потому что те, кто знали, давно умерли. А те, кто не умерли, молчат.

— Как тётя Маша, — тихо сказала Людмила Сергеевна.

Все посмотрели на дверь. Тётя Маша за стеной — в фойе — мыла пол. Швабра стучала по паркету ритмично, как метроном. Тётя Маша не пела. Она всегда пела, когда мыла пол. «Ой, мороз, мороз» — зимой, «Ой, цветёт калина» — летом, «Вдоль по Питерской» — когда не знала, что петь, а петь хотелось. Сегодня шла только швабра.

Нина Петровна собрала всех за столом директора — не потому, что имела на это право, а потому что это был единственный стол, за которым помещались четверо. Она разложила свою салфетку с записями.

— Итак, — сказала она, надев очки. — К моменту кражи сейф был закрыт Полуниным. Ключ — в кармане пиджака, пиджак — здесь, в кабинете. Дверь ДК была отперта. Тётя Маша пришла в семь тридцать — я спросила. Обычно она приходит в восемь. Значит, кто-то её попросил прийти раньше? Или она пришла сама?

— Или кто-то пришёл ещё раньше, — сказал Анатолий Васильевич, — и оставил дверь открытой для неё. Чтобы она ничего не заподозрила. Вошла — а дверь уже не заперта. Думает: «А, кто-то уже тут». И идёт по своим делам.

— А кто-то в это время уже в кабинете, — подхватила Людмила Сергеевна. — Открывает сейф. Берёт деньги. Берёт ключ. Выходит. Тётя Маша моет пол и ничего не видит.

— Или видит, — сказала Нина Петровна, — но молчит. Опять тишина. Швабра за стеной стучала. Потом остановилась.

В кабинет вошла тётя Маша. Она стояла в дверях — в синем халате, с тряпкой в руке, седая, маленькая, с лицом, на котором обычно жили улыбки, а сейчас не было ни одной.

— Мария Афанасьевна, — сказала Людмила Сергеевна мягко, — присядьте.

Тётя Маша села. Тряпку положила на колени. Руки у неё немного дрожали.

— Я видела, — сказала она. — Утром. Когда пришла. Свет горел в кабинете. Я подумала — Григорий Семёнович. Он ведь иногда рано приезжает. А потом смотрю — дверь в кабинет открыта, а из неё выходит... — она запнулась.

— Кто? — спросила Нина Петровна.

— Костик, — сказала тётя Маша. — Костик Северов. Звукорежиссёр наш. С сумкой.

Константин «Костик» Северов было двадцать четыре года. Он пришёл в ДК полгода назад, после того как вернулся из областного центра, где учился на звукорежиссёра и подрабатывал на свадьбах. Был он тощим, рыжим, носил кепку задом наперёд и говорил «кайф» вместо «хорошо», что вызывало у Нины Петровны нервный тик. Работал он хорошо — звук на концертах звучал, аппаратуру берёг, сам ремонтировал микрофоны. Но зарплату ему платили с задержками, и все об этом знали.

— С сумкой? — переспросил Анатолий Васильевич.

— С сумкой, — подтвердила тётя Маша. — С большой. Спортивной. Он с ней всегда ходит. Там у него провода, на-

ушники... Но сегодня сумка была... полная. Я и не подумала. А потом смотрю — кабинет открыт, сейф... Я сейф не трогала, честное слово! Я только полы...

— Тётя Маша, — сказала Людмила Сергеевна, — мы вам верим. Вы ничего не сделали. Вы нам очень помогли.

Тётя Маша кивнула. Глаза у неё покраснели.

Виктор Иванович подал ей свой термос.

— Чайку попейте. С ромашкой.

Тётя Маша взяла термос обеими руками, как ребёнок, и отпила.

Нина Петровна записала на салфетке: «Костик Северов. Раннее утро. Сумка.». Потом подумала и добавила: «Мотив?».

— Я знаю его мать, — сказала Людмила Сергеевна. — Елена Сергеевна Северова. Работает на почте. Сердце у неё больное. Он её одну не оставляет. Хороший мальчик, в общем.

— Хорошие мальчики тоже крадут, — сказала Нина Петровна. И добавила тише: — Иногда именно потому, что хорошие.

Через час, когда тётя Маша ушла мыть коридор, а участковый по телефону сообщил, что будет «ближе к вечеру, если не раньше», четверо пенсионеров стояли у крыльца ДК и смотрели на реку.

Волга в сентябре была тихой, серебряной, почти летней. Только чайки кричали резче и листья на тополях у набереж-

ной желтели по краям, будто кто-то провёл по ним сухой кистью.

— Значит, так, — сказал Виктор Иванович. — До фестиваля — неделя. Полунин в панике. Участковый занят. Если мы ничего не сделаем, деньги не вернутся, фестиваль сорвётся.

— Мы — не полиция, — сказала Нина Петровна.

— А полиция — не мы, — ответил Виктор Иванович. — Это разные вещи, Нина Петровна. Одно дело — ловить преступников. Другое — найти правду. Мы не ловим. Мы ищем.

— А потом что? — спросила Нина Петровна.

— А потом решаем. Как решали всю жизнь.

Нина Петровна посмотрела на Анатолия Васильевича. Тот пожал плечами: «Я замок изучил. Там есть что посмотреть». Посмотрела на Людмилу Сергеевну. Та кивнула: «С Костиком я поговорю. Без угроз, по-человечески».

Нина Петровна поправила очки.

— По вторникам, — сказала она. — Будем встречаться по вторникам. Здесь, в ДК. Если кто-то задаёт вопрос — отвечаем. Если кто-то нуждается — помогаем. Если кто-то врёт — находим правду.

— А сегодня? — спросил Анатолий Васильевич.

— Сегодня — среда, — сказала Нина Петровна. — Но для первого раза сделаем исключение.

Четверо спустились с крыльца и пошли по направлению к пельменной «У тёти Зины» — единственному заведению

в Старой Пристани, где пельмени лепили вручную, чай подавали в стаканах с подстаканниками, а за угловым столом можно было сесть так, чтобы тебя не слышал никто, кроме тех, с кем ты пришёл.

Шёл мелкий, тёплый, сентябрьский дождь. Пахло рекой и почему-то корицей — хотя корицы в Старой Пристани не пекли и не продавали.

Может, пахло оттуда, с реки. Может — из детства. А может — из тех времён, когда ДК был новым, замок блестел, а ключ от причала ещё не был легендой.

Нина Петровна шла первой. Анатолий Васильевич — рядом, на ходу чертя что-то пальцем на ладони, будто уже конструировал решение. Людмила Сергеевна — чуть позади, прижимая к груди маленький блокнот, в который записывала всё: даты, имена, детали. Виктор Иванович — последним, с термосом, который он прихватил из кабинета, и с ощущением, которое не испытывал двадцать лет: ощущением, что он снова кому-то нужен.

Дверь пельменной звякнула колокольчиком. Тётя Зина — крупная, румяная, с руками, которые помнили тысячу пельменей, — подняла голову из-за стойки.

— Четверо? — спросила она, хотя видела сама.

— Четверо, — подтвердила Нина Петровна. — И, Зина, закрой дверь на щеколду. Мы бы хотели побыть одни.

Тётя Зина посмотрела на их лица. Прочитала то, что нужно. Кивнула.

— Пельмени?

— Пельмени, — сказали четверо хором.

И ДК остался за спиной — с открытым сейфом, с пожелтевшей репродукцией, с шваброй, которая снова стучала по полу, потому что тётя Маша снова мыла и снова молчала, и молчание её было громче любого её пения.

Глава вторая, в которой Людмила Сергеевна разговаривает с Костиком, Анатолий Васильевич находит крошечную улику, а в смете обнаруживается странная строчка.

Пельменная «У тёти Зины» пахла так, что даже тревога становилась чуть тише. Пар, чеснок, сливочное масло, горячий бульон — запахи, которые умеют обнимать. Четверо пенсионеров сидели за угловым столом, и впервые за утро напряжение в их плечах немного опустилось.

— Сначала еда, — твёрдо сказала Нина Петровна, раскладывая салфетки. — На голодный ум логика не работает.

— На сытый — тоже, — проворчал Анатолий Васильевич, но взял ложку и кивнул тёте Зине: — С бульоном, пожалуйста.

Тётя Зина кивнула, как кивают тем, кто пришёл не просто поесть, а по делу. Она поставила перед ними четыре глубокие тарелки, в которых плавали пельмени, и четыре стакана в подстаканниках — с крепким, почти чёрным чаем.

— Соль, перец, сметана — сами, — сказала она и отошла,

оставив их наедине с паром и тишиной.

Пока они ели, никто не говорил о сейфе, деньгах и Костике. Говорили о пустяках: о том, что в сентябре ночи уже пахнут зимой, о том, что у автобуса 12 опять отвалился поручень, о том, что кошка тёти Маши родила пятерых котят и теперь все гадают, кто отец. Это был их способ собраться: сначала выдохнуть, потом думать.

Но когда тарелки опустели, а чай стал тёплым вместо горячего, Нина Петровна достала из сумки потрёпанный блокнот и ручку с выцветшим корпусом.

— Так, — сказала она, открывая чистую страницу. — Тётя Маша видела Костика. Костик был с сумкой. Сумка была полной. Он вышел из кабинета директора. В кабинете — пустой сейф. Вывод?

— Вывод, — сказал Виктор Иванович, отодвигая стакан, — что нам нужно поговорить с Костиком. Но не как с преступником. А как с человеком, у которого, возможно, не осталось других вариантов.

Людмила Сергеевна кивнула.

— Я пойду, — тихо сказала она. — Я знаю его мать. Знаю, как она смотрит на сына. Если он что-то сделал, он сделал не ради себя.

Нина Петровна посмотрела на неё поверх очков.

— Ты умеешь разговаривать так, что люди сами всё рассказывают, — признала она. — Но будь осторожна. Если он виновен, он может испугаться. А испуганный человек делает

глупости.

Анатолий Васильевич постучал пальцем по столу.

— А я пока ещё раз посмотрю на замок. И на сейф. Есть одна мысль... — он запнулся, будто сам не верил в неё. — Но сначала — замок.

Виктор Иванович улыбнулся уголком рта.

— Тогда я пойду к Полунину. Он сейчас, наверное, ходит по ДК кругами и грызёт ногти. Надо его немного успокоить. Или хотя бы отвлечь. Скажу, что мы ведём «предварительный сбор информации». Звучит солидно.

Нина Петровна хмыкнула.

— Солидно, — согласилась она. — Только не обещай ему, что мы всё найдём. Обещания сейчас — как спички в сухом лесу.

Они разошлись, как команда, которая давно знает свои роли: Людмила Сергеевна — к словам и чувствам, Анатолий Васильевич — к механизмам и деталям, Виктор Иванович — к людям и слухам, Нина Петровна — к цифрам и фактам. Людмила Сергеевна шла по улице Ленина, которая в Старой Пристани была главной и единственной улицей, где асфальт менялся раз в семь лет, а фонари горели через один. Дом Костика был старым двухэтажным зданием, построенным ещё в 1960х, с облупившейся краской и балконами, на которых сушились простыни и висели горшки с геранью.

Она поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж и постучала в дверь с номером 14.

— Кто там? — раздался голос изнутри. Голос был знакомый, но сейчас в нём не было обычного «кайфа» — только настороженность.

— Костик, это Людмила Сергеевна, — мягко сказала она. — Можно на минутку?

Тишина. Потом щелчок замка, и дверь приоткрылась. Костик стоял в проёме, в футболке с выцветшей надписью, в спортивных штанах, с кепкой в руке. Он выглядел не как преступник, а как мальчик, который очень устал и очень боится.

— Людмила Сергеевна... — начал он, и голос дрогнул. — Я... я ничего не делал.

— Я не пришла тебя обвинять, — спокойно сказала она. — Я пришла поговорить. Тётя Маша тебя видела. Ты выходил из кабинета. С сумкой.

Костик закрыл глаза на секунду, потом снова открыл.

— Да, — прошептал он. — Да, я был там. Но я не крал деньги. Я... я просто хотел их взять. На время.

Он отступил, пропуская её в маленькую, аккуратную квартиру. На столе стояла чашка с остывшим чаем, на стуле висела куртка, на подоконнике — стопка учебников по звукорежиссуре.

— Мама, — тихо сказал Костик. — У неё сердце. Ей нужна операция. В областном центре. Они сказали — срочно. А денег нет. Ни у кого нет. Я хотел взять деньги на фестиваль, заплатить за операцию, а потом... потом я бы всё вернул. Я

бы работал на трёх работах, я бы...

Людмила Сергеевна села на стул, не спрашивая разрешения, и посмотрела на него спокойно, без осуждения.

— Почему не сказал никому? — спросила она. — Почему не пришёл в администрацию? Не попросил помощи?

Костик горько усмехнулся.

— Кому я нужен? Я молодой, «нестабильный», «без стажа». Полунин бы сказал: «Сначала докажи, что ты серьёзный, потом проси». А мама не могла ждать.

— И ты решил открыть сейф, — продолжила Людмила Сергеевна. — Но как? Код знал только Полунин.

Костик опустил голову.

— Я не знал код, — признался он. — Я и не пытался. Я видел, как Полунин закрывал сейф. Он... он не до конца повернул ручку. Замок старый, он заедает. Если повернуть чуть-чуть не так, он кажется закрытым, а на самом деле... он не защёлкнут.

Людмила Сергеевна почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — не от злости, а от понимания.

— То есть сейф был не закрыт, — сказала она.

— Да, — кивнул Костик. — Я просто потянул за ручку — и он открылся. Я взял деньги. И ключ. Ключ я положил в сумку, чтобы никто не подумал, что я его украл. Я собирался всё вернуть. Честно.

— А ключ зачем? — спросила Людмила Сергеевна.

Костик пожал плечами, будто сам не знал.

— Не знаю. Просто... он лежал рядом. Я подумал, что, если кто-то заметит пропажу денег, пусть хоть ключ будет со мной. Как доказательство, что я не вор. Глупо, да?

Людмила Сергеевна не стала говорить, что это не глупо. Она просто кивнула.

— Глупо — это когда ты молчишь, когда тебе нужна помощь, — тихо сказала она. — Но я тебе верю. Ты не хотел зла.

Костик поднял на неё глаза, полные слёз, но не пролитых.

— Что теперь будет? — спросил он.

— Теперь мы найдём способ всё исправить, — ответила Людмила Сергеевна. — Без тюрьмы. Без позора. Но ты должен рассказать всё. До конца. И не прятаться.

Костик кивнул, будто сбросил с плеч тяжёлый мешок.

Тем временем Анатолий Васильевич вернулся в кабинет директора. Он не стал звать никого — ему нужно было остаться наедине с сейфом. Он достал из кармана лупу, маленький фонарик и старую отмычку, которую носил с собой «на всякий случай».

Сейф стоял в углу, тяжёлый, чугунный, с облупившейся зелёной краской. Анатолий Васильевич осмотрел замок со всех сторон, провёл пальцами по металлу, заглянул в скважину. Потом он достал из сумки маленький набор инструментов и начал аккуратно прощупывать механизм.

Через десять минут он нашёл то, что искал. На внутренней стороне дверцы, там, где язычок защёлки входил в паз,

была крошечная царапина — свежая, блестящая, не покрытая ржавчиной. Рядом с ней — едва заметная вмятина.

Анатолий Васильевич прищурился. Он повернул ручку сейфа, как это делал Полунин (он видел это однажды, когда директор открывал сейф при нём), и понял: замок действительно заедает. Если повернуть ручку не до конца, язычок не входил в паз полностью, и сейф казался закрытым, но на самом деле оставался приоткрытым.

— Вот оно, — пробормотал Анатолий Васильевич. — Не взлом. Не хитрость. Просто старая техника и человеческая спешка.

Он достал телефон и набрал Нину Петровну.

— Нина Петровна, — сказал он, — я нашёл. Сейф не был закрыт. Замок заедает. Кто-то просто потянул за ручку — и он открылся. Никаких следов взлома. Это не преступление. Это... ошибка.

В трубке послышался тихий вздох.

— Значит, Полунин сам виноват, — сказала Нина Петровна. — Он думал, что закрыл, а на самом деле — нет.

— Именно, — подтвердил Анатолий Васильевич. — И тот, кто это знал или догадался, просто воспользовался моментом.

Нина Петровна сидела за тем же столом в кабинете директора, но теперь перед ней лежала не салфетка, а папка с документами. Смета фестиваля «Волжская уха» была разложена по листам, и Нина Петровна водила пальцем по строчкам,

выискивая несоответствия.

И она их нашла.

Среди обычных статей расходов — аренда палаток, призы, печать буклетов — была одна странная строка: «Услуги консультанта по организации мероприятий — 50 000 рублей».

Нина Петровна нахмурилась.

— Какой консультант? — пробормотала она. — Мы сами всё организовываем. У нас нет никаких консультантов.

Она достала из сумки калькулятор и быстро пересчитала общую сумму. 50 000 рублей — это почти пятая часть всех денег. И эта сумма была добавлена в смету всего неделю назад, по распоряжению Полунина.

— Интересно, — прошептала Нина Петровна. — Очень интересно.

Она записала в блокнот: «Консультант. Кто? Зачем? Откуда?». Потом закрыла папку и посмотрела на дверь.

В кабинет вошёл Виктор Иванович. Он выглядел усталым, но довольным.

— Полунин немного успокоился, — сообщил он. — Я сказал ему, что мы ведём «предварительный сбор данных». Он кивнул, будто понял. Потом начал ходить кругами и бормотать про «репутацию города».

— У нас есть новости, — сказала Нина Петровна и рассказала ему про сейф, про Костика и про странную строчку в смете.

Виктор Иванович нахмурился.

— 50 тысяч на консультанта? — переспросил он. — Да у нас в ДК даже на лампочки денег нет.

— Вот именно, — сказала Нина Петровна. — И я думаю, что это не просто ошибка. Это что-то большее.

Через час все четверо снова собрались в пельменной. На этот раз они не заказывали пельмени — только чай. Им нужно было говорить, а не есть.

Людмила Сергеевна рассказала про Костика, про его маму и про то, как он хотел всё вернуть. Анатолий Васильевич показал фотографию царапины на замке и объяснил, как сейф остался незакрытым. Нина Петровна положила на стол смету и указала на строчку про консультанта.

— Получается, — подытожил Виктор Иванович, — что деньги могли пропасть не только из-за Костика. Что-то странное происходит с бюджетом.

— И Полунин в этом замешан, — добавила Нина Петровна. — Или знает больше, чем говорит.

— Но Костик всё равно виноват, — тихо сказал Анатолий Васильевич. — Он взял деньги. Даже если сейф был открыт, это не значит, что можно брать.

— Он виноват, — согласилась Людмила Сергеевна. — Но он не злодей. Он просто мальчик, который отчаялся.

— Значит, наша задача, — сказала Нина Петровна, — не наказать, а разобраться. И вернуть деньги. И спасти фестиваль.

Они посмотрели друг на друга — не как пенсионеры, а как команда.

— Завтра, — сказала Нина Петровна, — мы поговорим с Полуниным. Прямо. Спросим про консультанта. И про смету.

— А я поговорю с Костиком ещё раз, — добавила Людмила Сергеевна. — Надо убедиться, что он готов всё рассказать.

— Я возьму у Полунина ключ от сейфа и проверю, как он работает, — сказал Анатолий Васильевич.

— А я... — Виктор Иванович улыбнулся. — А я пойду к тёте Маше. Она знает всё, что происходит в ДК. Может, она слышала что-то про этого «консультанта».

Они выпили чай, расплатились и вышли на улицу. Дождь закончился, и небо стало чистым, с редкими звёздами, которые в Старой Пристани были особенно яркими, потому что фонарей было мало.

— Знаешь, — вдруг сказал Виктор Иванович, глядя на звёзды, — когда я был директором, я думал, что главное — это порядок. Чтобы всё было по расписанию, по плану, по правилам. А теперь понимаю: главное — это чтобы рядом были те, кто не даст тебе сдать.

Нина Петровна кивнула.

— Мы не сдадимся, — сказала она. — Фестиваль будет. И правда будет.

Они пошли по тёмной улице, и их шаги звучали уверенно,

как шаги людей, которые знают, что делают.

Глава третья, в которой Полунин оправдывается, ключ ведёт к шлюзу, а Старая Пристань впервые за много лет решает, что она — одна команда.

Утро выдалось резким: ветер с Волги гнал по набережной сухие листья и заставлял прохожих кутаться в куртки. Старая Пристань просыпалась неохотно, как человек, который знает, что день будет непростым.

Нина Петровна пришла в администрацию раньше всех — ровно в восемь. Она не любила ждать, не любила опаздывать и терпеть не могла, когда другие тянули время. В её представлении каждая минута промедления могла стоить фестиваля, а значит, стоила городу надежды.

Григорий Семёнович Полунин занимал кабинет на втором этаже старого здания, где пахло старой бумагой, пылью и тревожным кофе. Он сидел за столом, теребил ручку и смотрел в окно так, будто надеялся увидеть там решение всех проблем.

— Григорий Семёнович, — сказала Нина Петровна, не тратя время на «здравствуйте». — Мы знаем про сейф. Знаем, что он не был закрыт до конца. Знаем про Костика. И

ещё мы знаем про строчку в смете: «Услуги консультанта — 50 000 рублей». Объясните, пожалуйста, что это значит.

Полунин вздрогнул, будто его ударили по плечу.

— Это... это... — он запнулся, потом выпрямился, стараясь вернуть себе официальный тон. — Это организационная необходимость. Фестиваль — мероприятие сложное. Нам нужен был эксперт.

— Эксперт, которого никто не видел, — спокойно уточнила Нина Петровна. — И который не оставил ни договора, ни акта выполненных работ, ни даже номера телефона.

Полунин открыл рот, закрыл, потом снова открыл.

— Я... я договаривался устно, — наконец выговорил он. — С проверенным человеком. Из города. Он должен был приехать на открытие.

— И когда? — спросила Нина Петровна.

— Ну... он... — Полунин снова запнулся. — Он не смог. Обстоятельства.

Она посмотрела на него долго и внимательно — так, как смотрят бухгалтеры, когда видят, что цифры не сходятся.

— Пятьдесят тысяч, Григорий Семёнович, — тихо сказала она. — Это почти пятая часть бюджета. И они исчезли из сметы неделю назад. Вы сами их добавили. И вы сами их сняли.

Полунин побледнел.

— Нет! — почти выкрикнул он. — Я не снимал! Я просто... я хотел... — он опустил голову. — Я хотел, чтобы

всё было идеально. Чтобы фестиваль получился, чтобы город увидел, что я могу. А денег не хватало. Я думал, что найду способ вернуть. Что это будет незаметно.

— Незаметно не бывает, — сказала Нина Петровна. — Особенно когда речь о трёхстах тысячах.

В этот момент дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул Виктор Иванович. Он не стал заходить полностью — остался в проёме, будто давая Полунину пространство, чтобы не чувствовать себя загнанным в угол.

— Григорий Семёнович, — мягко сказал Виктор Иванович, — мы не здесь, чтобы вас судить. Мы здесь, чтобы спасти фестиваль. Если вы скажете правду — мы поможем.

Полунин посмотрел на них по очереди: на строгую, собранную Нину Петровну, на большого, спокойного Виктора Ивановича. И вдруг плечи его опустились.

— Хорошо, — выдохнул он. — Да. Я добавил эту строчку. Я снял деньги. Хотел вложить их в рекламу, в оборудование, думал, что потом как-нибудь... Но потом сейф остался открытым, я запаниковал, начал всё путать. А когда узнал про Костика... я вообще перестал понимать, что происходит.

— Значит, Костик взял не все деньги, — подытожила Нина Петровна. — Часть уже была снята вами.

Полунин кивнул, не поднимая глаз.

— Да. Около пятидесяти тысяч. Остальное... остальное он взял.

Нина Петровна вздохнула. Она не была склонна к мило-

сердию, но и не была жестокой. Она была справедливой.

— Тогда вот что мы сделаем, — сказала она. — Вы сегодня же напишете официальное заявление, что часть средств была перераспределена вами на организационные нужды. Это снимет с Костика обвинение в крупной краже. А мы найдём способ вернуть деньги на фестиваль.

Полунин поднял на неё глаза, полные надежды и стыда.

— Вы правда поможете? — спросил он.

— Мы не помогаем тем, кто врёт, — сказала Нина Петровна. — Но тем, кто признаётся и готов исправлять — помогаем.

Тем временем Анатолий Васильевич и Людмила Сергеевна шли к старому речному причалу. В руках у Анатолия Васильевича был тот самый ключ, который Костик положил в сумку, а потом отдал Людмиле Сергеевне, когда решился всё рассказать.

Причал был заброшен уже лет десять. Доски скрипели и прогибались, перила покосились, а вода у берега была тёмной и спокойной, будто хранила все городские тайны. В конце причала виднелся вход в старый шлюз — ржавая металлическая дверь, наполовину скрытая камышом.

— Вот он, — сказал Анатолий Васильевич, разглядывая замок на двери. — Тот самый.

Он вставил ключ. Тот вошёл туго, будто не хотел поворачиваться. Анатолий Васильевич осторожно провернул его — и раздался глухой щелчок. Дверь приоткрылась, выпуская

запах сырости и времени.

Внутри было темно и тихо. Вдоль стены тянулся узкий коридор, уходящий вниз, к воде. В самом конце, в нише, стоял старый деревянный ящик, обитый железом.

Анатолий Васильевич посветил фонариком. На ящике виднелись выцветшие буквы — клеймо завода, дата: 1951 год.

— Что там? — тихо спросила Людмила Сергеевна.

— Сейчас узнаем, — пробормотал Анатолий Васильевич.

Он поднял крышку. Внутри лежали пожелтевшие бумаги, перевязанные бечёвкой, и маленькая жестяная коробочка. Анатолий Васильевич аккуратно достал бумаги и развернул верхний лист. Это был чертёж — схема шлюза, с пометками о грузопотоках и датах.

А в коробочке... лежали ещё деньги. Не новые купюры, а старые, советские, но всё равно — пачки, аккуратно перетянутые резинками.

— Не может быть, — прошептал Анатолий Васильевич.

— Это же... это же целое состояние.

Людмила Сергеевна посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Получается, легенда была правдой, — сказала она. — В шлюзе действительно хранили ценности.

Анатолий Васильевич кивнул, но взгляд его был сосредоточенным.

— Только их никто не прятал, — сказал он. — Это архив.

Документы по строительству шлюза. А деньги... возможно, это была касса для рабочих. Или фонд на непредвиденные расходы. В пятидесятых так делали.

Людмила Сергеевна улыбнулась — не радостно, а с облегчением.

— Значит, ключ был нужен не для кражи, — сказала она. — А чтобы сохранить историю.

А в это время Виктор Иванович сидел на кухне у тётки Маши и пил чай из чашки с розочками. Тётя Маша всё ещё была бледной, но уже не молчала. Она рассказывала про то, как видела Костика, про то, как испугалась, что её обвинят, что она не уследила.

— Я ведь думала, что дверь открыл Полунин, — говорила она, теребя край фартука. — А потом увидела Костика — и всё смешалось. Я не знала, что делать.

Виктор Иванович слушал, кивал, не перебивал. Он знал, что иногда самое важное — просто дать человеку выговориться.

— Маша, — тихо сказал он, когда она замолчала, — ты не виновата. Ты просто оказалась между двух огней. Но теперь всё будет хорошо. Мы всё исправим.

Тётя Маша посмотрела на него с благодарностью.

— Спасибо, Виктор Иванович, — прошептала она. — Я так боялась, что меня уволят. Что все будут думать, что я плохая.

— Никто так не подумает, — твёрдо сказал он. — Ты хо-

рошая. Ты просто человек. А людям свойственно ошибаться.

К полудню все четверо снова встретились — на этот раз не в пельменной, а у входа в ДК. У каждого были свои новости, и теперь их нужно было сложить воедино.

Нина Петровна рассказала про разговор с Полуниним, про то, что часть денег была снята им самим, и про его готовность всё исправить. Анатолий Васильевич показал найденные документы и деньги из шлюза. Людмила Сергеевна передала слова Костика — о том, что он готов всё рассказать и вернуть то, что взял. Виктор Иванович добавил, что тётя Маша больше не боится и готова помочь.

— Значит, так, — сказала Нина Петровна, оглядывая всех по очереди. — Полунин напишет заявление. Костик вернёт деньги. Найденные средства мы временно используем для фестиваля — как резервный фонд. Документы из шлюза передадим в музей. А легенду... легенду оставим как часть истории города.

— А фестиваль? — спросил Виктор Иванович.

— Фестиваль будет, — твёрдо сказала Нина Петровна. — Мы не позволим Старой Пристани потерять этот праздник. Людмила Сергеевна улыбнулась.

— Знаете, — сказала она, — когда я преподавала, я всегда говорила ученикам: литература — это про людей. Про то, как они ошибаются, как боятся, как потом находят в себе силы всё исправить. Сегодня я вижу эту фразу в жизни.

Анатолий Васильевич хмыкнул, но в глазах у него свети-

лось удовлетворение.

— Главное, что всё сходится, — сказал он. — Механизм работает, если знать, где повернуть.

Виктор Иванович посмотрел на здание ДК — старое, скрипучее, но такое родное.

— Я рад, что мы снова что-то делаем вместе, — тихо произнёс он. Вечером, когда солнце садилось за Волгу, окрашивая воду в золотой цвет, в Старой Пристани начали собираться люди. Не по приказу, не по распоряжению — сами. Кто-то принёс палатку, кто-то — гирлянды, кто-то просто пришёл, чтобы помочь.

Костик стоял у сцены, настраивал аппаратуру, и руки у него уже не дрожали. Рядом с ним была его мама — ей пообещали помощь, и она смотрела на сына с гордостью, а не с тревогой.

Полунин стоял чуть в стороне, наблюдал, и впервые за долгое время не чувствовал, что должен всё контролировать. Он чувствовал, что город его не осуждает — потому что он признал ошибку и начал её исправлять.

А четверо пенсионеров — Нина Петровна, Анатолий Васильевич, Людмила Сергеевна и Виктор Иванович — сидели на скамейке у набережной и смотрели, как оживает Старая Пристань.

— Завтра открытие, — сказала Нина Петровна.

— И мы готовы, — добавил Анатолий Васильевич.

— Потому что мы вместе, — закончила Людмила Серге-

евна.

Виктор Иванович улыбнулся.

— По вторникам, — сказал он. — Будем встречаться по вторникам. Вдруг ещё кому-то понадобится помощь.

Нина Петровна кивнула.

— По вторникам, — согласилась она. — Но сегодня — праздник.

И над Волгой, над старым причалом, над скрипучим ДК и над маленькой Старой Пристанью разливался тёплый, золотой вечер — вечер, в котором было место и ошибкам, и их исправлению, и настоящей дружбе.

**Глава четвёртая, в которой
документы из шлюза
рассказывают больше, чем любой
свидетель, Анатолий Васильевич
находит имя, которое меняет
всё, а Старая Пристань узнаёт
правду о собственной истории.**

Дождя не было, но небо висело низко, серое, тяжёлое, будто набитое ватой. Такое небо в Старой Пристани называли «немым» — оно не обещало ни солнца, ни грозы, просто молчало и давило. Людмила Сергеевна говорила, что в таком небе есть что-то чеховское: ничего не происходит, но чувствуется, что вот-вот должно.

Документы из шлюза лежали на столе в кабинете директора ДК — том же самом, за которым четыре дня назад Нина Петровна обнаружила пустой сейф. Теперь стол был занят другим: пожелтевшие бумаги, чертежи, перевязанные бечёвкой пачки писем, жестяная коробочка с деньгами и маленькая кожаная папка с металлической застёжкой, которую Анатолий Васильевич нашёл на дне ящика, под всем остальным.

Четверо пенсионеров стояли вокруг стола и смотрели на эти бумаги так, как смотрят на незнакомого человека, который вдруг оказался родственником.

— Где начнём? — спросил Виктор Иванович, руки в карманах, брови сдвинуты.

— С начала, — сказала Нина Петровна. — С самого начала.

Анатолий Васильевич первым взял в руки чертёж — тот самый, что лежал сверху. Это была схема шлюза, выполненная от руки, тушью, на плотной чертёжной бумаге. Линии были точными, ровными, с микроскопическими подписями, сделанными каллиграфическим почерком, который нынче не встретишь ни в одном официальном документе.

— Вот, — сказал Анатолий Васильевич, водя пальцем по схеме. — Это не просто шлюз. Это грузовой шлюз с боковой камерой. Видите — вот здесь, слева, ответвление. Оно ведёт в нишу, закрытую отдельной дверью. Эта ниша — не для барж. Она для хранения.

— Хранения чего? — спросила Людмила Сергеевна, наклоняясь ближе.

— Об этом — дальше, — ответил Анатолий Васильевич и перевернул лист. На обороте был штамп: «Министерство речного флота СССР. Управление Волжского бассейна. Строительный объект 47». Дата: 14 марта 1951 года. Подпись — неразборчивая, но внизу стояла приписка синим карандашом: «Секретно. Экз. 3».

— Секретный объект, — тихо произнёс Виктор Иванович. — Я слышал об этом. Когда я был директором, мне рассказывал старый завхоз, Пётр Ильич — царство ему небесное. Он говорил, что в пятидесятых здесь было что-то военное. Что шлюз строили не только для барж, но и для особых грузов. Я думал, байка. А оно вот — на бумаге.

Нина Петровна взяла следующую пачку документов — письма. Их было семнадцать штук, написанных от руки, на тонкой, почти прозрачной бумаге, которая от времени стала хрупкой, как крылья бабочки. Она развернула первое и прочитала вслух:

— «Управляющему строительством объекта 47, товарищу Воробьёву А. М. От главного инженера Дёмина Г. П. Докладная записка. Довожу до вашего сведения, что работы по сооружению боковой камеры завершены на 80 процентов. Однако имеются затруднения с поставкой металлопроката. Завод Демидова задерживает отгрузку. Прошу оказать содействие через областной комитет. Одновременно сообщаю: проектная глубина камеры — 3,2 метра, что позволяет принимать суда осадкой до 2,8 метра. Сооружение должно быть готово к навигации 1952 года. Прошу подтвердить сроки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.